

2 ОКТ 1965

ГАСТРОЛИ ВАЛМИЕРСКОГО ТЕАТРА ДРАМЫ ИМЕНИ ЛЕОНА ПАЭГЛЕ

ТВОРЧЕСКАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

В дни рижских гастролей Валмиерского театра драмы имени Леона Паэгле зрители имеют возможность познакомиться с творчеством двух актеров, долгие годы играющих на его подмостках. — актрисой Ингой Калея и заслуженным артистом Латвийской ССР Карлом Лоренцом.

Инга Калея до Великой Отечественной войны — восторженный завсегдатай Елгавского театра, с детских лет театр для нее что-то большое, таинственное, влекущее. Тогда в Латвии не было своего высшего театрального учебного заведения. Многие актеры приходили на сцену из самодеятельных кружков. Так и Инга Калея вошла в коллектив Елгавского театра.

В Елгавском театре опытные режиссеры, в том числе воспитанник Вахтангова Освальд Глазник, Ян Клява, Эвальд Мерц, заботятся о воспитании молодых кадров. В репертуаре рядом с драмой достойное место занимают оперетта, комедия. Инга Калея, помимо актерских данных, обладает лирическим сопрано и хорошим чувством ритма. Поэтому первые свои роли молодая актриса играет в музыкальных комедиях.

Прошло двадцать лет. Инга Калея заняла видное место в актерской среде. Но этого она добилась нелегким путем. Многие ответственные роли актриса готовила самостоятельно. Не обнаружив своего имени в списке исполнителей, она откровенно заявляла режиссерам: «Я охотно сдублирую эту роль, не прошу никаких репетиций, разрешите мне работать самостоятельно. Когда роль будет готова, покажу ее художественному совету, и тогда решайте — имею я право ее играть или нет». Так Инга Калея самостоятельно подготовила роль ибсеновской Гедды Габлер, Нины («Семь криков в океане» Кассона), Марты из «Каменного гнезда» Вуолийони.

В первые годы работы Инга Калея больше руководствуется интуицией, в ее игре еще много подчеркнутой театральности. И только постепенно создаваемые актрисой образы приобретают богатство оттенков. Инга Калея стремится гармонически объединить драматическое с комическим, давая возможность зрителям глубоко заглянуть во внутренний мир своих героинь.

В периферийных театрах скорее, чем в других, может появиться дилетантизм. Зачастую одну роль приходится играть 12 дней подряд. И если актер не мобилизует себя, он против своей воли увидает в болоте привычных приемов. Инга Калея всегда борется с успокоенностью, леностью, безвкусицей. Когда мы знакомимся с ее Хедвигой Грисле из «Зыбких мостков» Илзе Индрани, Леди из драмы Тен-

несси Уильямса «Орфей спускается в ад» или Анной Смалкайс из «Земли зеленой» Андрея Упита, нам становится ясна направленность творчества актрисы. Это — борьба за победу светлого, доброго начала в человеке.

Творческие принципы Инги Калея во многом созвучны исканиям Карла Лоренца.

— Я работаю много, мучительно, долго иду на ощупь, пока не начинаю чувствовать контуры будущего образа. Затем на репетициях не всегда мой замысел совпадает с концепцией режиссера. Возникают споры. Хочется не покориться слепло, а самому ощутить сущность образа, его идейную и художественную характеристику, — говорит Карл Лоренц.

Свой актерский путь он начал в Кулдиге. Днем — работа на фабрике «Вулкан», вечером — в коллективе местного театра. Это были трудные годы учебы. В восемнадцать лет Карл Лоренц уже твердо знает, что цель его жизни — сцена.

Карл Лоренц не обладает броской наружностью: среднего роста, с мягкими чертами лица, добрыми улыбающимися глазами. И все же режиссер Кулдигского театра Камила Баумане доверяет ему роль Крустыня из «Блудного сына» Блаумана. Карл Лоренц в Крустыне видит прежде всего трагического юношу, который отплыл от одного берега и никак не может достичь противоположного.

Очень много дала актеру встреча с горьковским Протасовым из «Детей солнца». В трактовке этого образа актеру важно все: атмосфера времени, среда, отношения между интеллигенцией и народом. Лоренц должен знать внутренний ход мыслей своего героя, его характерный

жест, походку, ритм речи. За исполнение роли Протасова в 1961 году актер удостоивается награды «Театральной весны».

А до этого актер играет так называемых «маленьких людей», которые, занимая неприметное место в обществе, по сути своей являются фантастами, романтическими мечтателями. Например, в «Безымянной звезде» Михаила Себастьяна есть провинциальный музыкант Удря, который уже давно бы написал симфонию, если бы у него был... английский рожок; тогда его симфония прозвучала бы во всей своей мощи. По волнам жизни бросает Спирани — маленького чиновника из пьесы Тудора Мушатеску «Вальс Титаника». В обществе, основанном на лицемерии, этому честному человеку нет места.

К подобным «чужакам» относится и герой пьесы Илзе Индрани «Серебристый родник» Анчауг. Старик, весь век проживший у Даугавы, всю жизнь соперничавший с соседом Донатом Гарлеем, хорошо понимает, что современная эпоха предъявляет новые требования. Она требует от каждого ответственности за свои поступки, за молодое поколение. Лоренц рисует образ своего героя акварельными красками: ничего надуманного, искусственного в этом умудренном жизнью колхознике нет. Карл Лоренц хорошо чувствует поэтический, богатый философскими обобщениями стиль творчества Индрани.

Когда в пьесе Виктора Розова «В день свадьбы» ночной сторож Салов — Карл Лоренц говорит о тех изменениях, которые

произошли на берегу Волги как в людях, так и в технике, и в самой природе. — мы в интонации актера чувствуем его собственную позицию, активное отношение к жизни. Герой нашего времени всегда занимает боевую позицию. Для него теория всегда обогащена жизненным опытом и сочетается с активным действием.

Искрится остроумием Кендис К. Лоренца («Времена землемеров» братьев Каудзит), строгими линиями обрисован Тасмен («Гедда Габлер» Г. Ибсена), хвастуном предстанет перед нами Доктор («Хлеб Нискавуори» Х. Вуолийони), олицетворением ханжества является Теодор («Сын рыбака» В. Лациса). Различные эпохи, различные авторы, различные люди... И Карл Лоренц сумел перевоплотиться в эти самые различные образы.

Большая творческая самостоятельность — вот что помогло и Инге Калея и Карлу Лоренцу стать мастерами театрального искусства.

Г. ТРЕИМАНИС.

На снимке: сцена из спектакля «Хлеб Нискавуори». Доктор — заслуженный артист Латвийской ССР Карл Лоренц, Марта — Инга Калея.

Фото К. Тилгаласа.

